

ИНДОИРАНСКИЙ ЖРЕЧЕСКИЙ ВАРИАНТ КОСМОГОНИЧЕСКОГО МИФА

В статье реконструируется основной космогонический миф индоиранского жречества. В основе мифа лежит идея космического жертвоприношения первого царя и первого быка, из частей тела которых создается космос. Анализ индийской и иранской мифологической традиции позволяет предположить, что в роли первой жертвы выступал Уето – Йима, а осуществлял ритуал первый жрец его брат близнец Ману.

Ключевые слова: жертвоприношение, индоиранцы, жречество, яджна, изоморфизм, микро- и макрокосм, космологический миф.

Идея о наличии у древних индоиранцев трех (или четырех) социальных групп и отражение этого деления в мифологии названных народов давно уже являются признанными и авторитетными [Shaw, 2007]. Вслед за Ж. Дюмезилем можно предположить существование у каждого из сословий своих ритуалов, особенно инициационных, своих ритуальных деятелей и мифов [Dumésil, 1930].

В продолжение данного рассуждения вполне обоснованной выглядит мысль о существовании у каждой из групп и своей версии основного космогонического мифа. Логично предположить, что основной миф сословия жрецов должен быть связан с основным ритуалом – жертвоприношением.

Жертвоприношение привязывается к тому моменту, когда, в соответствии с циклической концепцией времени, космос возвращается к своему прежнему недифференцированному состоянию хаоса и особый ритуал должен заново воссоздать из хаоса космос со всеми этапами его становления.

В культовой практике индоиранцев выделялось два вида жертвоприношения: расчленение и возлияние – инд. *уај́на́* (авест. *уасна*) или просто жертвоприношение – индоиранское **zhautra*, инд. *hotra*, авест. *zaθtra* (от глагола «наливать»). Существовало, по крайней мере, две формы возлияний, зависевшие от субстанции и от получателя.

Молоко или масло – жертвовали небесным богам, а интоксиканты – военным богам атмосферы. Молоко и животное приношение назывались одинаково – **gau*. Часто жертвоприношение масла заменяет животную жертву. В Индии топленое масло-*ghee* до сих пор называют «сущностью скота», а в Иране молоко – «живой коровой». Молочное и кровавое жертвоприношение всегда сосуществовали вместе [Lincoln, 1981. P. 64]. В жертву приносились только домашние животные: кони, коровы, овцы, козы (индийская система пяти *рашус* – жертвенных животных к которым добавляется человек). Наиболее часто жертвой становился крупный рогатый скот, но позднее и в Иране, и в Индии наступает упадок данной практики.

В Иране Зороастр запрещал жертвоприношение скота, но не животных вообще. Зороастрийцы используют кровавое жертвоприношение до сего дня. Описание дозороастрийского жертвоприношения составил Геродот (История. 1.132), и оно во многом соответствует индийскому аналогу (РВ VIII.69.18), что позволяет говорить об общей индоиранской традиции [Ibid. P. 69].

Основа ритуала состояла в назывании жрецом частей жертвы в определенном порядке, соответствующем порядку становления мира. Каждый жрец должен был знать правила ото-

ждествления частей жертвы и космоса. Ритуал совершался во время критической точки – перехода от старого года к новому и сопровождался словесными поединками жрецов-поэтов, во время которых они обменивались загадками об элементах космоса и порядке отождествления. Такие тексты являются универсальными явлениями, характерной чертой которых выступает их связь с мировым деревом. Ритуалы проводятся в специальном месте – сакральном центре, часто у специального ритуального объекта, символизирующего мировое дерево. Космогонические функции жертвы и мирового дерева пересекаются в образе ритуального столба, к которому привязывалась жертва и по которому она возносилась к богам. Сам жертвенный ритуал следует рассматривать как актуализацию структуры мира, повторение акта творения. Жертва становится одним из космогонических начал, необходимых как для поддержания и сохранения упорядоченной Вселенной, так и для ее сотворения.

Как считает Б. Линкольн, роль жертвы в изначальном космогоническом жертвоприношении выполняли первый бык и первый человек (первый царь).

Идея изоморфизма микро- и макрокосма, человека и Вселенной, составляла одну из важнейших характеристик архаических космологий. Человек рассматривался как один из крайних ипостасных элементов космологической схемы [Топоров, 1982. С. 14]. Его состав, плоть, в конечном счете, восходят к космической материи, которая, отложившись, легла в основу стихий и природных объектов. Такая идея связана с космогонической ролью жертвы.

К этому типу принадлежит распространенный индоевропейский мифологический мотив создания мира из тела гиганта (Имир)¹. В образе так называемого «гротескного тела» [Бахтин, 1965. С. 381] космического человека находит свое наглядное отражение зависимость людей от природы и невозможность осознать ее в качестве объекта. Связь человека и природы была неотъемлемой частью архаического сознания, в «котором отсутствовала четкая противоположность между человеческим телом и остальным миром и переходы от одного к другому представлялись текучими и неопределенными» [Гуревич, 1972. С. 41].

По мнению Б. Линкольна, данный сюжет является главной жреческой версией основного космогонического мифа древних индоевропейцев [Lincoln, 1981. P. 79–80].

В основе мифа о разделении «гротескного тела», без сомнения, лежат человеческие жертвоприношения. В индийской мифологии в виде исходной жертвы рассматривается первозданный гигант Пуруша. В гимне Пурушасукта описывается сотворение Вселенной посредством его жертвоприношения: «вокруг него положили семь поленьев, трижды семь поленьев было приготовлено, когда боги совершили жертвоприношение, связывали Пурушу как жертвенное животное» (РВ X.90.15).

Части тела Пуруши становятся частями Вселенной: голова – небом, пуп – воздухом, ноги – землей, из его души происходит луна, из глаз – солнце и т. д., а из его органов создаются основные социальные группы. В индийской версии как будто речь идет только о жертвоприношении человека, однако этимология имени первосущества позволяет предположить иное: ри – человек и *vrsa* – бык. Композитный характер Пурушы заставляет видеть в нем поздний искусственно созданный образ, за которым скрывается древний персонаж. Анализ текстов выявляет явное мифологическое сходство Пуруши с Ямой – первочеловеком, первоцарем, первым умершим, добровольно принявшим смерть, отказавшись от своего тела (РВ 10.13.4). Еще Р. Дандекар полагал, что Пурушасукта есть более детальное описание мифа о Яме (РВ10.13.4). Яма архаический персонаж, восходящий к индоевропейскому прошлому (Yamá – Yima – Ýmir), его имя является производным от ПИЕ *уемо – близнец [Рокопун, 1959. S. 505]. Позднейшая деификация привела в начале к замещению Йимы космическим гигантом Пурушой, а затем и другими божественными персонажами. В Шатапатха Брахмане мир возникает в результате расчленения Праджапати (7.12.1-6). В Атхарваведе космогоническая функция первожертвоприношения распространяется на любую жертву (АВ 9.5.20-21).

Следы человеческих жертвоприношений обнаруживаются в древнеиндийской традиции. В месте строительства здания, особенно сакрального, обязательно совершалось жертвоприношение человека – «строительная жертва», позднее замененная ритуалом рисования

¹ Иудейские и древнекитайские версии являются результатом заимствования и последующего переосмысления [Lincoln, 1981. P. 69].

на грунте Пуруши [Атхарваведа..., 1976. С. 383]. На изображениях в пещерах Бхаджа (III–II вв. до н. э.) видны два или три человека, повешенные в ветвях, во многих джатаках упоминаются человеческие жертвоприношения якшам – духам или богам деревьев. Махабхарата содержит описание человека, висящего вниз головой (XI.5.3–24). Аналогичным образом описывается Один в скандинавской мифологии, висящий на мировом дереве Иггдрасиль: «Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей, пронзенный копьем, посвященный Одину, в жертву самому себе же на дереве том, чьи корни сокрыты в недрах неведомых». Это мучение Одина можно истолковать как саможертвоприношение, аналогичное поступку Пуруши. В. В. Иванов рассматривал такое саможертвоприношение как шаманский обряд, направленный на достижение экстаза (ритуальной смерти) [1974. С. 122].

В Иране миф о первоначальном жертвоприношении присутствует в скрытом виде. Архаическая традиция прервалась в результате реформ Зороастра, осудившего практику жертвоприношения. Но в одном месте Гат есть туманный намек на жертвоприношение как на космогонический акт: «и когда эти два духа впервые встретились, они установили жизнь (gaуа) и смерть и как жизнь должна заканчиваться» (Y.32). Встреча изначальных духов привела к возникновению смерти, что может рассматриваться как теологическая спекуляция по поводу древней темы о творении мира в результате смерти первочеловека.

В дальнейшем происходит ремифологизация: жизнь – gaуа, и marətan – смертный сливаются, превращаясь в авестийского Гайо мартана, в Бундахишне превратившегося в Гайомарта. В зороастрийских теологиях роль первой жертвы выполняет искусственно созданный персонаж – Гайомарт, заменивший осужденного Зороастром Y.32.8 индоиранского Йиму. Более того, в Бундахишне творением занимается Ахриман, а сотворение не жертвоприношение, направленное на всеобщее благо, а убийство быка и Гайомарта.

Однако в Яштах вновь появляются и Йима, и реминисценции архаичной индоиранской мифологемы. В Яште 19.30–39 смерть первого царя Йимы наступает из-за потери хварены, которая, покидая его в виде сокола, переходит к Митре, олицетворяющему жреческое сословие, Траетоне – военное сословие и Крсапе – сословие общинников. Йима, таким образом, выступает, как и Пуруша, в роли отца социального космоса. Завершается текст физическим расчленением Йимы его братом Спитьярой (19.46). В эпическом варианте, представленном в Шахнаме, Йима также становится объектом убийства и расчленения со стороны демона Зохака.

Идея о творении космоса из тела первочеловека подтверждается и эсхатологическими представлениями. При Фрашгирде наступит обратный творению процесс, и из элементов космоса будут последовательно воссоздаваться люди, первым из которых будет Гайомарт (Датастан-и-Дениг. 48.51–52) [Lincoln, 1986. P. 128].

В Иране имелись и апокрифические версии о сотворении мира из космического тела, близкие до зороастрийским мифологемам. Можно вспомнить манихейский миф о создании неба из шкур погибших демонов, гор из их костей, земли из их мяса [Мелетинский, 1971. С. 101]. В другой версии космос возникает из тела убитого Ормаздом (!) демона Куни (Денкард 3.200.7; Шкенд Гуманиг Визар 16.8–20). Эмиль Бенвенист предлагал в таком же ключе толковать сообщение Плутарха (Iside et Osirise, 47) о том, что Ормазд, сотворенный из света, утроил себя и удалился при этом от солнца на расстояние. Ученый указывает, что речь идет о сотворении трех небесных сфер из собственного тела Ормазда, каковым и стал небосвод [Benveniste, 1929. P. 97]. Особый интерес вызывает космогонический текст VI пехлевийского ривайята Датастан-и-Деник: «/1/ относительно способа, каким, и субстанции, из которой было создано небо. /2/ был некий инструмент, подобный пламени огня, чистого в свете; он был создан из бесконечного света; /3/ и из него все творение было создано; и, после того, как он был создан, он был помещен в тело; и три тысячи лет он содержался внутри тела, и он постоянно рос и становился лучше. Затем он образовал одну за другой все (вещи) из своего тела. /4/ первым небо было создано из его головы ... Ормазд помещался внутри него со своим творением. /5/ И земля была создана из его ног... /13/ и растения были созданы из его волос... /26/ и огонь был сотворен из его духа, и сияние его было создано из бесконечного света» [Zaehner, 1955. P. 364–367]. Этот отрывок вызывает поразительные аналогии с Пурушасуктой и позволяет с полным основанием говорить о существовании в иранской традиции представления об изначальном космосе как о прасуществе, разделение которого приводит

к образованию мироздания. Изоморфизм макро- и микрокосма очень хорошо осознавался, что видно по гимну Бундахишна «О сотворении основы»: «мир, являющийся творением бога, образованный и развитый как зародыш в божественном чреве, впоследствии рождается. Так же и на земле в материнском чреве оформляется, развивается и рождается этот образ» [Widengren, 1965. S. 10]. Данные других индоевропейских мифологий позволяют говорить об общеиндоевропейском характере такого рода представлений [Lincoln, 1986. P. 170].

Если Г. Виденгрэн в этом пра-космическом теле видел Вайю, то Р. К. Ценер таким существом считал бога Зрвана. Анализируя сообщение армянского писателя V в. н. э. Езника, излагающего древнеиранский миф о Зрване, исследователь приходит к выводу, что Зрван – изначальное существо, посредством длительных жертвоприношений добивается рождения сына, который смог бы осуществить творение мира. Сын, Ормазд, рождается из него, и Зрван предлагает ему совершить новое жертвоприношение [Zaehner, 1955. P. 72].

Раскрыть смысл этого туманного мифа помогает третья глава Бундахишна, где рассказывается, что Ормазд сотворил какого-то «духа жертвоприношения» и посредством жертвы «все творение было сотворено». Р. К. Ценер считал, что этой жертвой был бог Зрван, в результате жертвоприношения, расчленения которого и был создан космос. Отсюда становится понятным значение того жертвоприношения, которое Ормазд сотворил для Зрвана [Zaehner, 1955. P. 140]. Зрван становится аналогом Пуруши, вселенской жертвой, посредством которой боги сотворили мир.

Очень важна не только жертва, но и исполнитель обряда. В различных индоевропейских традициях эту роль выполняют разные персонажи: в Германии – группа братьев во главе с Одним, в Иране – Ахриман, в Индии – все боги. Но все это позднейшие варианты, за которыми скрывается мифологизированный или обожествленный первожрец, первочеловек, брат-близнец первой жертвы – ПИЕ *manu – «человек» [Lincoln, 1981. P. 80].

Такой вывод можно сделать из мифа о Ману из Шатапатха Брахманы (4.1.4.13–17): убивающий врагов, убивающий асуров голос вселился в быка Митры, асуры уговорили Ману его принести в жертву, но голос вселился в жену и сестру Ману – Манави, ее тоже принесли в жертву, тогда голос вселился в жертвенные сосуды и в само жертвоприношение и поэтому его не удалось асурам убить и, совершая его, мы одерживаем над ними верх. Конечно, это поздний этиологический текст, но в нем ясно видны осколки древнего ПИЕ сюжета, в котором соединяются жертвоприношение быка и человека.

В текстах Ригведы Ману – первый жертвователь (VIII.10.2), установивший Агни в качестве жертвенного огня (V.21.1), и люди, делая жертвоприношение, повторяют действия Ману (VI.4.1) Тех, кто не делает жертвоприношение, в Индии называли amanusah – не люди (RV VIII.70.11). Уже в RV Яма и Ману братья, дети Вивасвата (IX.11.8; X.58.1). Но это не дублирование одного персонажа, а самостоятельные ПИЕ фигуры: первые близнецы эпохи творения, дополняющие друг друга – жрец и царь.

В Иране фигура Ману скрыта. Одна из главных реформ Зороастра – осуждение жертвоприношения, отсюда неприемлемость мифа о первожертвоприношении как космогоническом акте. Но после Зороастра тема возвращается вновь, но в измененном виде: жертвоприношение приписывается теперь Ахриману. Осуждаемый сам по себе акт, тем не менее, остается необычайно полезным, приводит к правильным результатам благодаря вмешательству на последнем этапе Ахурамазды.

Так как Ахриман – оригинальное творение Заратуштры, в древнейших текстах его роль должны были исполнять другие персонажи, например брат Йимы Спитьяра. Но не только он. Очень интересна фигура Манучехра – «семя или сын Мануша» (Ману). В генеалогиях он предок Заратуштры, более того, «все мопаты Парса восходят к расе Манучехра (GB 35.55). Мануш (Ману) – иранский первожрец был выброшен из мифологической традиции под влиянием Зороастра и заменен: Ахриманом – первым убийцей, Спитьярой, расчленившим брата Йиму, Манучехром – предком всех жрецов и Заратуштрой – главным жрецом всех времен и народов. Все они представляют собой позднейшие трансформации старой индоиранской жреческой мифологической схемы.

Таким образом, можно реконструировать жреческий космологический миф о первом жертвоприношении в двух вариантах. В древней индоевропейской версии первый жрец Ману приносит в жертву своего брата-близнеца первого царя Йиму, расчленяет его и творит из не-

го мир. В индоиранском варианте добавляется бык, которого тоже приносят в жертву, создавая из него скот и растительность.

Список литературы

- Атхарваведа*. Избранное / Пер., коммент. и вступ. ст. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1976. 406 с.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Наука, 1965. 543 с.
- Гуревич А. Я.* Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
- Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов // Проблема истории языков и культуры древней Индии. М.: Наука, 1974. С. 75–138.
- Мелетинский Е. М.* Мифы древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. М.: Наука, 1971. С. 68–133.
- Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире // Очерки истории естественных наук в древности. М.: Наука, 1982. С. 8–41.
- Benveniste E.* The Persian Religion According to the Chief Greek Texts. P.: Librairie Paul Geuthner, 1929. 119 p.
- Dumézil G.* La préhistoire indo-iranienne des castes. // JA. 1930. Vol. 216. P. 109–130.
- Lincoln B.* Priests, Warriors and Cattle. LA: University of California press, 1981. 243 p.
- Lincoln B.* Myth, Cosmos & Society. Cambridge Mass. Harvard Univ. Press, 1986. 278 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, Francke, 1959.
- Shaw J.* Gaelic eschatological folktale, Celtic cosmology and Dumézil's «three realms» // JIES. Washington, 2007. Vol. 35. No. 3–4. P. 249–274.
- Zaehner R. C.* Zurvan. A Zoroastrian Dilemma. Oxford: Univ. Press, 1955. 497 p.
- Widengren G.* Die Religionen Irans. Stuttgart, Kohlhammer 1965. 393 S.

Материал поступил в редколлегию 20.01.2011

Andrey V. Zaporoghchenko

INDO-IRANIAN PRIESTLY VARIANT OF COSMOGONIC MYTH

This article reconstructs the main cosmogonic myth of indo-iranian priesthood. Foundations of the myth lie in the idea of cosmic sacrifice of the first king and first bull, whose body parts are then used to create cosmos. Analysis of Indian and Iranian tradition lets us assume that the victim of first sacrifice was Yemo and the ritual was conducted by the first priest – his twin-brother Manu.

Keywords: sacrifice, indo-iranians, priesthood, yajna, isomorphism, micro and macrocosm, cosmological myth.